Г. В. КРАСНОВ

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И РАДИЩЕВ

Непосредственных обращений Льва Толстого к имени Радищева немного:[1] в письме писательнице А. М. Калмыковой (1896), где оцениваются «средства» борьбы с правительством начиная «со времени Радищева», в письме В. В. Стасову (1902), в котором реакция властей на записку одного тульского мужика о крестьянских нуждах сравнивается с реакцией Екатерины на «Путешествие из Петербурга в Москву», в статье «Великий грех» (1905), где Радищев отнесен к людям, которые «поняли грех крепостного права».

В какие годы Толстой читал Радищева — неизвестно. Дневниковых записей и других прямых свидетельств по этому поводу нет. Известно, что Толстой в декабре 1872 г. запрашивал у П. Д. Голохвастова для работы над романом из эпохи Петра I книгу М. М. Щербатова «О повреждении нравов в России» (1858), в конволюте с которой было опубликовано «Путешествие из Петербурга в Москву». В яснополянской библиотеке писателя сохранился неразрезанный экземпляр «Путешествия», изданный в 1906 г. как приложение к журналу «Всемирный вестник». Однако в нашей теме было бы опрометчиво руководиться только невыясненными обстоятельствами или именным указателем к сочинениям писателя. Толстой много размышлял об истоках вольнолюбия в России, об эпохе Радищева. Толстой и Радищев прошли через близкие фазы духовного развития, социального прозрения.

1

Ряд исторических, политических событий, современником которых был Радищев, возбудил пристальное внимание Льва Тол-

[1] Первоначальная постановка этого вопроса была сделана в работе: *Бабкин Д. С.* Радищев в оценке Л. Н. Толстого. — В кн.: От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Сборник статей к 90-летию Н. К. Пиксанова. Л., 1969, с. 59—69.

стого. К примеру, Радищев как член Комиссии составления законов при Александре I и Толстой как студент юридического факультета Казанского университета критически оценили «Наказ», составленный Екатериной II. Радищев и Толстой уловили главное противоречие «Наказа» — столкновение принципов просветительской философии и идей абсолютизма и деспотизма. Радищев был свидетелем того, как это противоречие проявлялось в реальной политике Екатерины: «...если в течение своего долговременного царствования, а особливо при конце оного, она отступила от многих своих правил, то была, может быть, разстроена в оных внешними и внутренними смутностями и, наконец, платила долг природе при долговременном ее правлении» (III, 148).

Толстой усматривал его в постоянных антилогических посылках «Наказа», во взаимоисключающих выводах его автора: «Во всем этом наказе представляются нам постоянно два разнородные элемента, которые Екатерина постоянно хотела согласить: именно, сознание необходимости конституционного правления и самолюбие, т. е. желание быть неограниченною властительницей России».[2] «В нем, как я уже прежде сказал, везде мы находим два противоположных начала — дух революционный, под влиянием которого находилась тогда вся Европа, и дух деспотизма».[3]

Толстой и Радищев близки в трактовке отдельных глав и статей «Наказа». И того, и другого особенно привлекла глава XII — «О размножении народа в государстве». Радищев обеспокоен тем, как устранить препятствия, стоящие на пути к благосостоянию. Он предлагает реорганизацию налоговой системы, требует поощрения жителей, занимающихся земледельческим трудом. Толстой тоже находит справедливым исходный тезис XII главы о том, что бедность — главная причина малого прибавления народонаселения. Он воспринимает мысль Екатерины об уничтожении бедности как искреннее намерение. «Средством против этого, — поясняет Толстой, — она хочет сделать разделение земель всем неимеющим оных и подать им способы вспахать и обработать их».[4] Рассуждения Толстого о пагубности рабства шли вразрез с туманными и противоречивыми установками «Наказа», касающимися злоупотреблений крепостников, с опасными их последствиями для самодержавной власти («Наказ», ст. 254). Толстой пишет: «...в нашем отечестве земледелие и торговля процветать не могут до тех пор, покуда будет существовать рабство; ибо человек подвластный другому не только не может быть уверен постоянно владеть своею собственностью, но даже не может быть уверен в своей собственной участи».[5] Толстой рассуждает о раб-

---

[2] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. (Юбилейное издание), т. 46. М.—Л., 1934, с. 11.

[3] Там же, с. 27.

[4] Там же, с. 18.

[5] Там же, с. 19.

стве «вослед Радищеву» и его преемникам в борьбе против крепостничества.

При сопоставлении критических замечаний к «Наказу» Радищева и Толстого, разумеется, нельзя не учитывать дистанцию времени, разные цели критического анализа и другие факторы. Радищев сомневается в объективной истинности тех или иных законоположений, которые рано или поздно «становятся обветшалыми, деятельность их мертвеет, права и обязанности становятся ненадежными» (III, 145). Это суждение целиком и полностью относится к декларативному «Наказу» Екатерины. Радищев озабочен реальным законодательством, обеспечивающим обязанности «правителей народных» во имя «блаженства народного». «...мы, опираясь на правилах мудрыя сия владычицы, скажем, что в размножении народа видно благосостояние государства; но, как по изречению императрицы Екатерины, многие суть препятствия к размножению народа в России, то и нужно помышлять об отдалении оных препятствий и о средствах, размножение поощряющих» (III, 157—158).

Толстой оценивает каждую главу «Наказа» с точки зрения известных ему правовых норм,[6] новых веяний в экономической и общественной жизни России. Он ведет с Екатериной заочный диалог. «Я думаю совершенно напротив, — спорит Толстой, — машины для рукоделий, внутри государства обращающихся, бесконечно полезнее машин для рукоделий вывозимых товаров. Ибо машины для рукоделий общеполезных, сделав эти рукоделия много дешевле, улучшили бы состояния граждан вообще; между тем как вывозимые товары приносят выгоды только одним частным лицам».[7]

Среди «граждан вообще» Толстой выделяет родовую аристократию, которая «исчезает и уже почти исчезла по причине бедности». Толстой — за поощрение «благородных» к торговле. Он в отличие от Радищева еще считает необходимым оберегать их сословные интересы. Идея народовластия у Толстого («Народ же, когда имеет Верховную власть, не ошибется» [8]), имеющая, как и у Радищева, руссоистское происхождение, основанная на договорных началах («в Деспотии [нет] договора, посредством которого одно лицо имело бы право, а граждане обязанность, и наоборот» [9]), не подводила его к идее революции.

Толстой, анализируя XV главу «Наказа» — «О дворянстве», сравнивая ее с «Духом законов» Монтескье, отмечает новизну

---

[6] Известно, что Л. Н. Толстой обратился к «Наказу» Екатерины для его сравнения с «Духом законов» Монтескье по предложению профессора гражданского права Д. И. Мейера, придерживавшегося республиканских взглядов, сочувствовавшего Белинскому, петрашевцам, см.: *Эйхенбаум Б.* Лев Толстой. (Семидесятые годы). Л., 1974, Приложение, с. 218—219; *Галаган Г.* Л. Толстой и петрашевцы. — Рус. лит., 1965, № 4, с. 137—148.

[7] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 20.

[8] Там же, с. 17.

[9] Там же, с. 24.

екатерининской мысли: «Montesquieu признавал только одну честь основанием (principe) всего монархического правления, она же прибавляет к ней еще добродетель; в самом деле, добродетель может быть принята за основание монархического правления, но история доказывает нам, что этого еще никогда не было».[10] Толстой уловил одну из тенденций «Наказа»: поощряя «гражданские добродетели» дворянства, поставить его в зависимость от общей политической русской самодержавной системы, на что позже указали и другие исследователи.[11]

Резкое, ироническое примечание Толстой делает к ст. 374, защищающей родовые привилегии дворянства: «После басни Крылова о гусях против этой ложной мысли ничего больше сказать нельзя».[12] Толстой в эти годы еще далек от радищевского отрицания дворянства, его классовых преимуществ, так ярко и бескомпромиссно выразившегося в «Путешествии из Петербурга в Москву».[13] Однако идею дворянства в истолковании Екатерины Толстой уже начинает оспаривать по самому существу. Б. Эйхенбаум верно выразил настроение молодого Толстого: «Он читает „Наказ“ не как студент юридического факультета, а как соперник Екатерины, готовящийся вступить в управление государством. Он относится к „Наказу“ не как к памятнику отошедшей культуры, а как к чему-то злободневному».[14]

С иронией Толстой отзывается также о ряде заключительных статей «Наказа», высмеивая тщеславие Екатерины. По поводу ст. 520 Толстой пишет: «...следует заключение весьма простое, в котором она говорит, что умрет с горести, ежели свод законов, который она поручает составить, не будет совершенен, и ежели будет существовать народ счастливее и славнее Русского».[15]

Проблема соотношения русской действительности и жизни народов других стран особенно волновала Радищева.[16] Он ей посвятил заключительную часть записки «О законоположении». Какие земли, страны дали пример разумного исполнения законов? Можно ли верить лишь записанному, декларированному?

---

[10] Там же, с. 22.

[11] Ср., например: *Тарановский Ф.* Политическая доктрина в «Наказе» императрицы Екатерины II. — В кн.: Сборник статей по истории права, посвященный М. Ф. Владимирскому-Буданову. Киев, 1904, с. 71—73.

[12] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 22.

[13] О полемике Радищева с «Наказом» в «Путешествии» см.: *Бабкин Д. С.* Процесс Радищева. М.—Л., 1952, с. 52—53; *Кулакова Л. И., Западов В. А.* А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву». Комментарий. Л., 1974, с. 71, 78, 80—81, 141, 158, 179.

[14] *Эйхенбаум Б.* Лев Толстой. Кн. 1. 50-е годы. Л., 1928, с. 19.

[15] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 25. Ср. в «Наказе»: «...Боже сохрани! чтобы после окончания сего законодательства был какой народ больше справедлив, и следовательно больше процветающим на земле; намерение законов наших было бы не исполнено: несчастие, до которого я дожить не желаю!».

[16] См.: *Старцев А. И.* О западных связях Радищева. — Интернациональная литература, 1940, № 7—8, с. 256—265; *Пугачев В. В.* А. Н. Радищев. Эволюция общественно-политических взглядов. Горький, 1960, с. 88—92.

Почему при одинаковых наказаниях преступления в одном государстве «бывают чаще, чем в другом»? Все это необходимо увидеть своими глазами, понять, объяснить. В Радищеве по-прежнему жил дух путешественника, алчущего истины, справедливости, свободы. «Когда в древние времена, — писал Радищев, — должность настояла давать народу целому законы, или, сказать правильнее, когда не совсем еще народ образованный образовать желали, то дабы употребить в свою пользу то, что уже древние сделали и в чем пользу находили, предпринимали путешествия в те страны, которыя более других процветали и славилися своими законоположениями. В таком намерении путешествовали: Солон, Ликург, Пифагор, и, напитавшись, так сказать, тем, что видели, извлекали для себя, что полезным находили» (III, 162).

Кстати, вряд ли в этих надеждах Радищева, в его записке «О законоположении» следует видеть лишь реформаторские идеи в ущерб революционным.[17] Принципы разумного законоположения Радищев, по существу, искал для обновленного общества. Радищев возвеличивал не закон сам по себе, а законность, ратовал за исполнение законов на демократических основах. «...всякий без предупреждения в том признается, — писал он в 1802 г., — что везде есть некоторые законы для того только, чтобы наполнять страницы и книги прав» (III, 163). Сравним в главе «Новгород» его «Путешествия»: «Где мудрые Солоновы и Ликурговы законы вольность Афин и Спарты утверждавшие? — В книгах. — А на месте их требования пасутся рабы жезлом самовластия».[18]

Радищев рассматривал законы, необходимые нормальному человеческому обществу. Закон должен охранять интересы граждан, действующих, здравствующих по естественному праву. Толстой будет полемизировать с этим законодательным началом, характерным для прошлого просветительского мировоззрения. 16 октября 1853 г. Толстой записал в дневнике: «Во всех философиях законоведения законы выводят из начал здравого ума и справедливости. Эти законы составляют нераздельные части души каждого человека и люди бессознательно исполняли бы их. Но мне кажется, что основание законов должно быть отрицательное — *неправда*. Нужно рассмотреть, каким образом неправда проникает в душу человека и узнать ее причины, положить ей преграды, т. е. основывать законы не на соединяющих началах — добра, а на разъединяющих началах зла».[19]

Толстой рассуждает от противного. У него не столько теоретический и не столько практический подход, сколько писательский: попытаться найти истину, показать ее в реальных конф-

---

[17] См.: *Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г.* Запретная мысль обретает свободу. М., 1966, с. 261.

[18] О перекличке мотивов «Путешествия» и записки «О законоположении» см. также: *Семенников В. П.* Радищев. Очерки и исследования. М.— Пг., 1923, с. 122—124; *Покровский С. А.* О месте Радищева в истории русской революционной мысли. — Вопр. философии, 1956, № 4, с. 176.

[19] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 286.

ликтах, противоречиях. Толстой не выступает как теоретик-просветитель, радищевская идея народной революции перед ним и не возникает, но он бьется над теми же вопросами, которые были предметом анализа и камнем преткновения для его предшественников. Вероятно, есть свой резон в утверждениях, подобных следующему: «Суть дела не в том, кто именно и каким образом повлиял на Толстого, а в объективной близости нравственной философии Толстого как исторически преемственной формы его мышления к просветительской философии усовершенствования».[20] И все же идеологическая близость писателей обычно наблюдается, когда они сталкиваются с типологически близкими, однородными явлениями. Пример тому— «Наказ» Екатерины в оценке Радищева и Льва Толстого.

2

Неизвестно, знал ли Толстой о трагических последствиях законоведческой деятельности Радищева. Его собственные выводы из чтения «Наказа» носили гораздо более умеренный характер. Однако итоги критического анализа «Наказа» Толстым также нельзя недооценивать. Толстой вспоминал: «...меня эта работа увлекла; я уехал в деревню, стал читать Монтескье, это чтение открыло мне бесконечные горизонты; я стал читать Руссо и бросил университет, именно потому, что захотел заниматься».[21]

Обширная программа самообразования, намеченная Толстым по выходе из университета, — первая часть этих «бесконечных горизонтов». В 50-е гг. Толстой сочиняет ряд проектов, записок, в которых видны следы критики «Наказа», чтения им просветителей.[22] В записке «О дворянском вопросе» (1858) Толстой впервые попытается оценить то время, когда выступал с требованием социального равенства А. Н. Радищев. Отмечая особенную роль прогрессивной литературы, передовой части дворянства, способствовавших развитию идеи освобождения крестьян, Толстой писал: «Только одно дворянство со времен Екатерины готовило этот вопрос и в литературе, и в тайных и нетайных обществах, и словом и делом».[23] Имя Радищева не названо, но оно явно подразумевается, символизирует дворянскую революционность. Радищев — ее родоначальник, за ним идут декабристы, деятели «тайных и нетайных обществ».

«Времена Екатерины» заинтересовали Толстого с разных точек зрения, прежде всего с политической, философской. Каково

---

[20] *Купреянова Е. Н.* Эстетика Л. Н. Толстого. М.—Л., 1966, с. 51.

[21] См.: *Гольденвейзер А. Б.* Вблизи Толстого. М., 1959, с. 148; см. также: *Бирюков П. И.* Биография Льва Николаевича Толстого, т. I. М.—Пг., 1923, с. 56.

[22] См.: «О военно-уголовном законодательстве», «Писания, относящиеся к проекту освобождения яснополянских крестьян», «Записка о дворянстве» и др.

[23] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 267.

соотношение власти и народа? Могли ли Екатерина, или Пугачев, или Марат, Робеспьер, или кто другой выразить волю народа? Идея «общественного договора», в принципе разделявшаяся Радищевым, привлекавшая молодого Толстого, уже не могла быть опорой для толстовских героев, появившихся в творчестве писателя в 50—70-е гг. В «Войне и мире» Толстой с иронией опишет настроение Пьера Безухова, оказавшегося в Слободском дворце: «Он был в волнении: необыкновенное собрание не только дворянства, но и купечества — сословий, états généraux — вызвало в нем целый ряд давно оставленных, но глубоко врезавшихся в его душе мыслей о Contrat social и французской революции. Замеченные им в воззвании слова, что государь прибудет в столицу для *совещания* с своим народом, утверждали его в этом взгляде. И он, полагая, что в этом смысле приближается что-то важное, то, чего он ждал давно, ходил, присматривался, прислушивался к говору, но нигде не находил выражения тех мыслей, которые занимали его».[24]

Ни Екатерина, ни Пугачев, никакой другой «узурпатор», по мнению Толстого, в какую бы он тогу ни рядился, не может быть выразителем «воль масс». «...для того, чтобы определить, какая сторона деятельности исторического лица выражает волю народа, — пишет Толстой, — нужно знать прежде волю народа».[25] Пример такого народного представительства, единства интересов исторического деятеля и народа Толстой показал в образе Кутузова. Действия Кутузова, его воля соотносимы с действиями, волей масс. Кутузов — герой особого исторического периода в жизни России, в котором оказались возможны значительные общественные преобразования. Относительный успех в деятельности князя Андрея, Пьера Безухова и бесплодность усилий Александра I, Сперанского, разыгрывавших роль государственных деятелей, также отражает толстовское понимание условий эпохи, унаследовавшей идейный груз правления Екатерины II и Павла I.

Князь Андрей и Пьер Безухов в разной степени вскормлены «временами Екатерины». Их связи с прошлым веком более явно, чем в окончательном тексте, прослеживаются при изучении творческой истории того и другого образа. В первой редакции «Войны и мира» Толстой писал о князе Андрее, что он «воспитан в воспоминаниях века Екатерины».[26] По этой же редакции видно, что разногласия между Пьером Безуховым и князем Андреем касаются вопросов, рожденных «временами Екатерины» и французских энциклопедистов. Князь Андрей, писал Толстой, «понимал мысль Pierr'a, состоящую в том, что конституция не может быть даваема сверху, что такая конституция будет только

---

[24] Там же, т. 11, с. 91.
[25] Там же, т. 12, с. 311.
[26] Там же, т. 13, с. 332.

внешняя и не привьется народу, не соглашался с этой мыслью, доказывая, что управляющие народом люди могут предчувствовать потребности народа и, угадывая их, удовлетворять им».[27]

Тугендбунд, который должен защитить Безуховых, Ростовых, Болконских от кровожадных Пугачевых, также напоминает «век минувший», в какой-то степени точку зрения Радищева на пугачевское восстание.[28]

Времена Екатерины для Толстого — это также идеи, принципы, действия Великой французской революции, которая воспринималась им, как и Радищевым, двойственно. Исследователи в принципе сходятся в том, что Радищев с одобрением воспринял демократическую программу французской революции и отвернулся от якобинцев, их диктатуры. В ранних вариантах будущей «Войны и мира» Толстой писал: «Время между французской большой революцией и пожаром Москвы, то самое время, когда великая революция, воплотившись в военную диктатуру, перестала быть идеей, с которой можно спорить, рассуждать, соглашаться или не соглашаться, а стала силой, с которой надо было не спорить, а бороться или подчиняться ей».[29]

В пору работы над романом Толстой оценивает французскую революцию ретроспективно, с точки зрения позднейшей власти Наполеона (Наполеон — «представитель превращенной идеи революции»). В 900-е гг. он дает ей политическую характеристику: разделяет полностью ее принципы и практические меры, решительно отвергает «правительственное насилие».[30]

Радищев смотрел в свое время на французскую революцию с надеждами, затем он переживал ее трагические последствия, осуждал диктаторскую власть. Еще в «Путешествии» он восклицал: «О властвование! о всесилие! ты мышцам своим недоверяеш» (I, 348). Общедемократический пафос протеста и обличений сближает Толстого с Радищевым. Очень спорна мысль Ю. М. Лотмана, что воззрения Радищева «выходят за рамки дворянской революционности».[31] Оправдание Радищевым народной мести изуверам-помещикам — это еще не политическая теория крестьянской революции. С другой стороны, Радищев, как справедливо подчеркивает Ю. М. Лотман, явно противостоит либералам. Действительно, как писал В. И. Ленин: «Либералы были и остаются идеологами буржуазии, которая не может мириться

---

[27] Там же, с. 682.

[28] См.: *Макогоненко Г. П.* Радищев и его время. М., 1956, с. 208; *Barrat G.* A note Radishchev and the Pugachovscina». — In: Slavic and East-European studies. Montreal, 1973, vol. 18, p. 66—78.

[29] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 76.

[30] Там же, т. 36, с. 195; см. также: *Асмус В. Ф.* Мировоззрение Толстого. — Литературное наследство, т. 69, кн. 1. М., 1961, с. 77—78.

[31] *Лотман Ю. М.* 1) Был ли Радищев дворянским революционером. — Вопр. философии, 1956, № 3, с. 165—172; 2) Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской литературе конца XVIII в. — Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та, 1965, вып. 167, с. 3—32.

с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков».[32] Это характеристика либерализма периода жизни и деятельности Толстого. Толстой «боялся» революции, ее насилия и в то же время был выразителем интересов масс, взволновавшихся до самых глубин. Толстой в своем развитии шел от традиций Радищева, декабристов, Герцена к оправданию борьбы крестьянства за землю и волю, к отрицанию всего самодержавно-крепостнического строя. В черновом варианте «Письма к либералам» (А. М. Калмыковой) Толстой утверждал: «Мы все — люди, не участвующие в грабежах правительством народного богатства, — не чиновники и вместе с тем люди не невежественные знаем очень хорошо, что наше правительство живет неправдой, насилием, одурением народа. Это мы знаем со времен Радищева, декабристов и уже совершенно ясно со времен николаевских и александровских».[33] Отвергая «способы борьбы» как те, которые показали вожди крестьянских восстаний, декабристы, «революционеры 60-х годов», «деятели 1-го марта», так и те, которые использовали «либералы-постепеновцы», Толстой не называет имени Радищева. Радищев для Толстого — пример бескомпромиссной нравственной деятельности, выражающей голос народа, его демократический протест.

В истории общественного движения Толстой отводит Радищеву место среди революционных подвижников, которые, по его мнению, «готовы были страдать и страдали сами (не заставляя никого страдать) ради верности тому, что они признавали правдой».[34] Толстой считал, что преимущественно этими людьми, такими как Новиков, Радищев, декабристы, совершено освобождение крестьян в 1861 г., и верил, что такие люди могут совершить бескровную революцию. Толстой воспринимал борьбу Радищева, его сподвижников в свете своей идеи нравственного самосовершенствования. Традиции дворянской революционности переплетались с противоречивыми тенденциями толстовско-крестьянского миросозерцания.

3

Толстовская философия жизни, ее нравственного движения породила толстовскую специфику изображения личности, идею ее бессмертия. Пьер Безухов размышляет во сне о конце Платона Каратаева: «В середине бог, и каждая капля стремится расшириться, чтобы в наибольших размерах отражать его. И растет, и сливается, и сжимается, и уничтожается на поверхности, уходит в глубину и опять всплывает. Вот он, Каратаев, вот разлился и исчез».[35]

---

[32] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20. Изд. 5-е, с. 175.
[33] Отдел рукописей Гос. музея Л. Н. Толстого (Москва), К/13/2496.
[34] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 228.
[35] Там же, т. 12, с. 158.

Французы могут изолировать, пристрелить Пьера Безухова, но это также не означает, что наступит конец всего: «Поймали меня, заперли меня. В плену держат меня. Кого меня? Меня? Меня — мою бессмертную душу!».[36]

Наташе Ростовой в святки кажется, что она может вспомнить то, что с ней было прежде. Ее спор с Николаем: «Почему я знаю, чем я была прежде, — с убеждением возразила Наташа.— Ведь душа бессмертна <...> стало быть, ежели я буду жить всегда, так я и прежде жила, целую вечность жила».[37]

Размышлениям Наташи в творчестве Толстого предшествовали рассуждения Иртеньева: «После жизни душа переходит в вечность; вот вечность — и я провел с одной стороны овальной фигуры черту до самого края доски. Отчего с другой стороны нету такой черты? Да, и в самом деле, какая же может быть вечность с одной стороны, мы, верно, существовали прежде этой жизни, хотя и потеряли о том воспоминание».[38]

Философским источником подобных размышлений толстовских героев является идея Гердера о бессмертии души, о переселении душ (Seelenwanderung), которая оказала сильное воздействие и на Радищева. Связи Радищева с философией, этикой Гердера, конечно, непосредственнее и шире, чем у Толстого.[39] Радищев через восприятие Гердера, других мыслителей, через преодоление их постигал принципы историзма, теории эволюции природы и человеческого общества, принципы гражданского поведения. «Именно проповедь гражданского мужества, желание подвигнуть своих единомышленников на бесстрашное самопожертвование заставляют Радищева „вопреки всех других доводов“ развивать теорию бессмертия души: тема бесстрашной гибели, появившаяся во второй главе трактата [«О человеке, о его смертности и бессмертии»], является стержневой для всей третьей — переходной от опровержения бессмертия души к его доказательству».[40] Это доказательство Радищев вел, как известно, в значительной степени от Гердера. В свою систему доводов он взял его рассуждения об эволюции живых организмов, о единстве органи-

---

[36] Там же, с. 105—106.

[37] Там же, т. 10, с. 278.

[38] Там же, т. 2, с. 56—57.

[39] Критический обзор литературы на тему «Радищев и Гердер» см. в статье: *Плимак Е. Г., Покровский С. А.* Связи Радищева с западным просвещением в оценке буржуазной литературы. — Вестн. истории мировой культуры, 1957, № 4, с. 70—85; см. также: *Bittner K.* Herder und Radishev. — Zeitschrift für Slavische Philologie, 1956, Bd XXV, H. 1; *Mc Connell A.* Russian Philosophe Alexander Radishchev. 1749—1902. Hague, 1954, p. 157—161; *Schmidt H.* Das historische Prinzip in der Weltanschauung und im Spätwerk A. N. Radiščevs. — In: A. N. Radiščev und Deutschland. Berlin, 1969, S. 109—110.

[40] *Лотман Ю. М.* Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской литературе конца XVIII в., с. 16, ср.: *Матковская И. Я.* У истоков революционной нравственности (А. Н. Радищев: проблема нравственного долга). — Вопр. философии, 1975, № 1, с. 139—147.

ческого и неорганического мира («от камени до человека явственная постепенность <...> явственная сия лествица веществ, древле уже познанная, на коей все роды оных един от другого столь мало, кажется различествуют» — II, 110), о сне-смерти («О, сон! брат смерти и смежность вечности!» — II, 116) — мотивы, связывавшие с Гердером и Льва Толстого.

В творческой истории своих романов Толстой уходил от непосредственного выражения, цитации мыслей Гердера. Толстовские герои ищут ответа на свои вопросы обычно не в книгах. «Он [Левин] читал и думал и чем больше он читал и думал, тем дальше чувствовал себя от преследуемой им цели».[41] Прямые обращения Пьера Безухова и князя Андрея к сочинениям Гердера как философскому апокалипсису остались в вариантах «Войны и мира». Толстой вслед за Радищевым идеи Гердера использовал с поправкой на свое миросозерцание. Читая в конце 1877 г. сочинения историка религии Макса Мюллера, Толстой замечает: «Нигде нет и речи о переселении душ, но только о бессмертии души».[42] Толстой не признает ортодоксально религиозную трактовку бессмертия, он помнит концепцию Гердера.

Идея совершенствования природы и человека, идея бессмертия у Радищева вливается в его суждения о нравственном совершенствовании, о необходимости уничтожения зла. «Если же себе представим, что все человеки сходствуют в их силах и способностях, суть во всем одинаковы, и черта, одного от другого отделяющая, незрима, в различиях своих они восходят или нисходят непременною постепенностию, но вся суть единого рода; следовательно, и определения их, места их, цель должны быть одинаковы. Если кто из них, употребляя во зло данные ему способности, устраняется предопределения своего, то все следствия злых дел налягают на него. Едкая совесть грызет его сердце и не отступит от него, дондеже не истребит в нем все преступное, все злое» (II, 138).

Революционность Радищева не исключала обращения к общечеловеческим нравственным проблемам, к идее самовоспитания, которая у Толстого превратилась в целостную философию нравственного самосовершенствования. «Дуализм» рассуждений Радищева о бессмертии возникает в новой исторической обстановке, в новом преломлении, у Толстого, бескомпромиссного обличителя, противника самодержавия, религии, различных псевдотеорий и страстного проповедника вечных начал нравственности с тем же зерном Гердеровой теории.

Пласты материальной, духовной жизни, культуры, породившие Радищева и Толстого, не равнозначны. Однако и того, и другого бесспорно сближают демократизм, их верность крестьянской России, смелый, решительный отказ от всех сословных приви-

---

[41] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 369.
[42] Там же, т. 48, с. 348.

легий. Известная преемственность революционных традиций, просветительских идей русских деятелей конца XVIII в. и антикрепостнической идеологии русских революционеров и просветителей XIX в. объясняет обращение Толстого к Радищеву. Кроме того, в восприятии «теорий» и «систем» прошлого Толстой был глубоко индивидуален. Герой его повести «Отрочество» приходит к выводу: «Мне кажется, что ум человеческий в каждом отдельном лице проходит в своем развитии по тому же пути, по которому он развивается и в целых поколениях, что мысли, служившие основанием различных философских систем, составляют нераздельные части ума».[43] Так же рассуждает в черновых вариантах «Войны и мира» другой герой, близкий Толстому, — Пьер Безухов.[44] Радищев, Гердер и другие мыслители стали неотделимой частью оригинальнейшего «ума человеческого» толстовских героев и их творца.

---

[43] Там же, т. 2, с. 56.
[44] Там же, т. 13, с. 590—591.